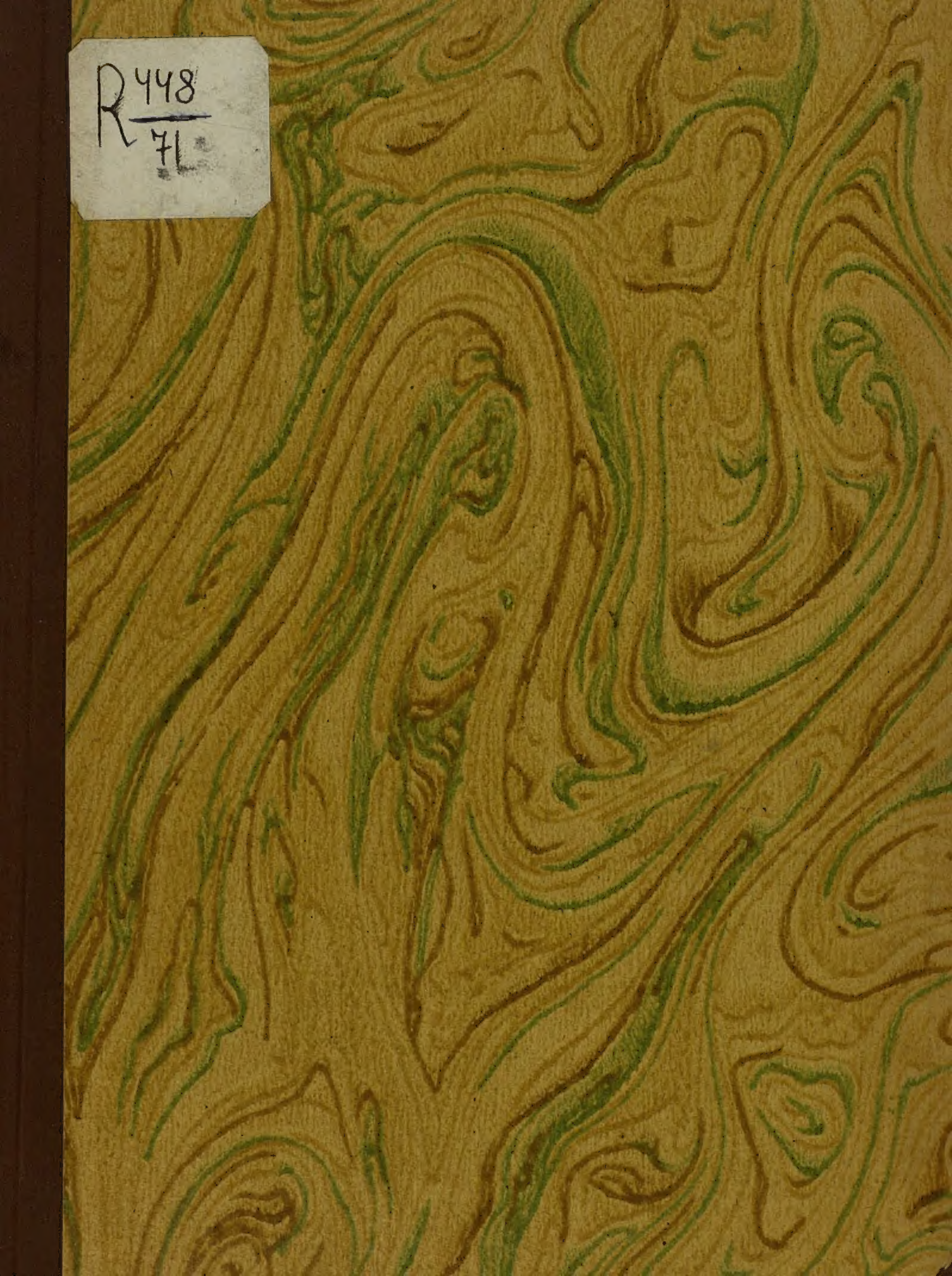

R 448/7L

О ЧИСЛѢ РУССКАГО ВОЙСКА,

ЗАВОЕВАВШАГО БОЛГАРІЮ,

И СРАЖАВШАГОСЯ СЪ ГРЕКАМИ ВО ѲРАКІИ И МАКЕДОНІИ,

ВЪ 967–971 ГОДАХЪ.

ОДЕССА.

Въ Городской Типографіи.

1842.

О ЧИСЛѢ РУССКАГО ВОЙСКА,

ЗАВОЕВАВШАГО БОЛГАРІЮ,

и сражавшагося съ Греками во Ѳракіи и Македоніи,

ВЪ 967-971 ГОДАХЪ.

А. Черткова.

ОДЕССА:

Въ Городской Типографіи.

1842.

Изъ записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

О числѣ Русскаго войска,

завоевавшаго Болгарію,

и сражавшагося съ Греками во Ѳракіи и Македоніи,

въ 967 — 971 годахъ (1).

Расказы древнихъ писателей и Византійскихъ хронографовъ, въ которыхъ они исчисляютъ количество своихъ враговъ, казались намъ всегда незаслуживающими ни малѣйшаго довѣрія. Въ этомъ отношеніи Варяжскій періодъ въ-особенности, обращалъ на себя наше вниманіе. Норманны, какъ извѣстно каждому, читавшему исторію западной и южной Европы, отличаются отъ другихъ воинственныхъ народовъ именно тѣмъ, что всѣ ихъ предпріятія совершались весьма малыми средствами. Зная это, можно-ли вѣрить Византійцамъ, которые насчитываютъ у Игоря 15,000 кораблей, и у Святослава, въ Болгаріи, до 700,000 воиновъ? Эти показанія враговъ древней Руси, не только до-сихъ-поръ ни кѣмъ не опровергнуты, но даже буквально приняты Шлецеромъ въ его критическій разборъ древняго періода Русской исторіи[1]. Всѣ наши историки: Ломоносовъ, Елагинъ, Татищевъ, Эминъ, Штриттеръ, Арцыбышевъ, даже самъ

---

[1] См. *Шлецеровъ* Несторъ (Русскій переводъ). III. 48, 501, 543, 555, 557, 558, 567 и 600.

Карамзинъ [2] вѣрятъ этому и выставляютъ въ своихъ сочиненіяхъ показанія Византійцевъ, не обсудивъ ихъ критически. Подобныя заблужденія могутъ перейти и къ будущимъ нашимъ историкамъ, ибо самое ложное показаніе, повторяясь безпрекословно, въ продолженіи сотни лѣтъ, весьма часто обращается въ аксіому. Въ-слѣдствіе этого мы излагаемъ здѣсь мнѣніе наше о количествѣ Русскихъ войскъ, завоевавшихъ Болгарію и сражавшихся съ Цимисхіемъ во Ѳракіи и Македоніи. Мы думаемъ также, что не обсудивъ предварительно разныхъ темныхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ, не можемъ и ожидать полной критической исторіи древней Руси.

Святославъ, отправляясь изъ Кіева, для нападенія на Болгаръ, имѣлъ, по словамъ Льва-Діакона (п), *«шестьдесятъ-тысячъ* храбрыхъ воиновъ, кромѣ находившихся при охраненіи тяжестей ополченія»[3]. Изъ этого числа «Руссы потеряли болѣе 20,000 подъ Адріанополемъ»[4]. Въ первомъ сраженіи подъ Преславою убито до «8,500 человѣкъ»[5]; на другой день, «болѣе 7,000 Руссовъ, вышедшихъ изъ Царскаго Двора, всѣ были побиты Греками, кромѣ Болгаръ, которыхъ много также пало при взятіи города, и Сфенкелъ съ немногими ушелъ къ Святославу»[6]. Слѣдовательно, при потерѣ Преславы, Руссы лишились одними убитыми 15,500 воиновъ, кромѣ попавшихся въ плѣнъ: приложа къ нимъ 20,000, которые были убиты подъ Адріанополемъ, получимъ итогъ потери Руссовъ (прибавя къ нему хотя 500 взятыхъ въ плѣнъ) 36,000 ратниковъ. Вычтя это число изъ 60,000, бывшихъ у Святослава при началѣ войны, останется у него еще 24,000 войска для защиты Доростола, если не полагать въ счетъ ни раненыхъ, ни умершихъ въ продолженіе пяти лѣтъ. Но у Льва-Діакона число показанныхъ имъ Руссовъ, при началѣ войны, не смотря на всѣ этѣ

---

[2] Исторія Государства Россійскаго, второе изданіе, Т. I, стр. 130. «Днѣпръ покрылся 2000 судовъ; на всякомъ было 40 воиновъ; конница шла берегомъ» (слѣдовательно около 100,000 ратниковъ). Стр. 147: «Игорь съ 10,000 судовъ вошелъ въ Черное-Море» Стр. 173: «Святославъ съ 60,000 воиновъ явился на Дунаѣ.» — Подъ Доростоломъ у него опять 60,000, кромѣ убитыхъ близъ Адріанополя и погибшихъ 16,000 въ Переяславцѣ (стр. 184—185). Ломоносовъ насчитываетъ у Святослава до 380,000 воиновъ!

[3] *Leonis diaconi* historiae. Lib. V, c. 2. p. 77.

[4] Ibid. Lib. V c. I, 13, p. 111. [5] Ibid. Lib. VIII, c. 4, p. 134. [6] Ibid. Lib. VIII, c. 7, p. 137.

имъ-же исчисленныя потери, всегда остается неизмѣнно и, подъ Доростоломъ, онъ опять насчитываетъ у Святослава тѣ-же 60,000, съ которыми Русскій князь отправился изъ Кіева [7]. Близъ Доростола происходило нѣсколько сраженій и тутъ Левъ-Діаконъ, не исчисляетъ убитыхъ Руссовъ, до послѣдней битвы, въ продолженіе которой непріятель лишился, какъ онъ говоритъ, 15,000 [8] воиновъ. Слѣдовательно должно-бы остаться у Святослава еще около 40,000, полагая его потерю, примѣрно, въ 5,000 въ первыхъ сраженіяхъ подъ Доростоломъ. Но по Льву-Діакону остается не болѣе 22,000 живыхъ Руссовъ, ибо только на это число отпускаетъ продовольствіе императоръ Іоаннъ [9]. При исчисленіи всей потери, послѣ заключеннаго мира, Левъ-Діаконъ полагаетъ, что Руссы всего лишились 38,000 воиновъ [10], забывая, вѣроятно, что онъ уже почти такое-же число непріятелей уничтожилъ своими показаніями отъ начала войны до прибытія Іоанна подъ Доростолъ.

Всѣ эти исчисленія, конечно, такъ нелѣпы, что не могутъ выдержать простой повѣрки числъ, и сами себя опровергаютъ. Что-же мы, послѣ этого, должны сказать о показаніяхъ Кедрина и Зонары? Тутъ нелѣпость выходитъ уже изъ всѣхъ предѣловъ. У Кедрина подъ Адріанополемъ 308,000 Руссовъ [11], подъ Доростоломъ 330,000 [12], не говоря объ убитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ и сгорѣвшихъ въ Преславѣ, примѣрно до 12,000 [13], и другихъ Руссахъ, нападшихъ на Македонію [14], такъ-что нашъ Византіецъ насчитываетъ едва-ли не до 700,000 враговъ въ эту войну. Греки потеряли, по его словамъ, не болѣе 25 человѣкъ убитыхъ подъ Адріанополемъ, а Руссы были почти всѣ убиты (m), т. е. 308,000 человѣкъ [15]. У Доростола 300 Грековъ разбиваютъ семитысячный отрядъ Руссовъ [16]. Эта нелѣпость однако-же еще удвоивается, по выпискамъ, помѣщеннымъ у Шлецера, изъ которыхъ открывается, что Руссы, въ первый только день, у Преславы, потеряли убитыми *пять-сотъ-восемь-тысячъ человѣкъ* [17]! Къ несчастію, наши лѣтописи не

---

[7] *Leonis diac.* Lib. VIII, c. 10, p. 139. [8] Ibid, Lib. IX, c. 10, p. 153. [9] [10] Ibid. Lib. IX, c. 11, p. 156.

[11] *G. Cedreni* compendium historiarum. II, 522.

[12] Ibid p. 528, [13] Ibid. p. 526—528. Венец. изд.

[14] *Leonis diaconi* historiae. Lib VII, c. 9, p. 126.

[15] *Cedreni*, p. 524 Вен. изд. [16] Ibid. p. 528.

[17] *Шлецера* Несторъ, Русскій переводъ. III, 555.

объявляютъ о числѣ войска, отправившагося изъ Кіева, съ Святославомъ, для нападенія на Болгарію; а Византійцамъ, какъ мы уже видѣли, нельзя вѣрить. Во всякомъ случаѣ краткія слова лѣтописца: «иде Святославъ на Дунаи и на Болгари» (IV), доказываютъ, кажется, что нападеніе на Болгарію было первоначально не что другое, какъ обыкновенный набѣгъ Варяжскій для полученія добычи, и сверхъ-того, тѣмъ-менѣе обдуманный и приготовленный, что великій князь тутъ дѣйствовалъ не отъ своего лица, а какъ наемникъ, получившій уже впередъ плату за грабежъ[18], который, кромѣ-того, Руссы имѣли еще въ-виду. Едва-ли исторія можетъ представить намъ, въ продолженіе всего Норманскаго періода, другое выгоднѣйшее предпріятіе сего рода для тогдашнихъ Руссовъ. Расходы для снаряженія войска и судовъ были заплачены изъ чужаго кармана наличными деньгами, а предполагаемая добыча составляла уже чистую прибыль. Оттого-то Святославъ такъ скоро и согласился на это предложеніе и почиталъ Калокира, привезшаго ему деньги[19], своимъ другомъ (V). Не имѣя, такимъ образомъ, положительныхъ фактовъ, на которыхъ мы могли-бы основаться при исчисленіи войскъ, напавшихъ на Болгарію, посмотримъ, какъ велико было ополченіе Руссовъ во время прежнихъ войнъ съ Царьградомъ.

Мы находимъ, въ нашихъ лѣтописяхъ, три нападенія на Восточную Имперію, предшествовавшія завоеванію Болгаріи[20].

1. Руссы, подъ начальствомъ Аскольда и Дира, напали въ числѣ 200 судовъ на Царьградъ (VI). По Византійскимъ извѣстіямъ Руссы также на 200 судахъ, опустошивъ берега Чернаго-Моря и въ особенности Воспора, приступили къ Константинополю (VII), и такъ его обложили съ моря, что самъ императоръ съ великимъ трудомъ могъ пробраться въ свою столицу. Слѣдовательно это извѣстіе *о двухъ-стахъ судахъ* Русскихъ, засвидѣтельствовано, какъ нападавшими, такъ и защищавшимися, и мы можемъ назвать его «достовѣрнымъ и положительнымъ» въ отношеніи числа судовъ.

---

[18] *Leonis diaconi* historiae. Lib IV, c. 6, p. 63.

[19] Ibid. Lib. V, c. 2, p. 78.

[20] Мы не говоримъ здѣсь о четвертомъ нападеніи, т. е. второмъ походѣ Игоря противъ Грековъ, въ SYHB (Несторъ, изданный *Тимковскимъ*, стр. 19), потому-что Руссы: а) дошли только до Дуная и заключили миръ; б) въ лѣтописи не означено числа войска, набраннаго для сего похода, и в) Византійцы о немъ непоминают ♂.

2. Олегъ пошелъ воевать Восточную Имперію съ такимъ многочисленнымъ ополченіемъ, какого мы, до сей эпохи, еще не встрѣчали въ нашихъ лѣтописяхъ. «Онъ собралъ 2,000 лодокъ, изъ которыхъ на каждой было по 40 человѣкъ, всего 80,000 воиновъ пѣшихъ, и сверхъ-того конница шла берегомъ: числа́ сей послѣдней лѣтописецъ нашъ не объявляетъ». Такъ говоритъ Карамзинъ[21], основываясь на нашихъ лѣтописяхъ (VIII); но дѣло въ-томъ, что показаніе сорока человѣкъ на каждую лодью не есть расказъ самого лѣтописца о числѣ воиновъ Олеговыхъ, а помѣщено при слѣдующемъ обстоятельсвѣ: «И убояшась Грецы ...... і заповѣда Олегъ дань дати на ҂в҃ караблей, по в҃і гривенъ на человѣка, а въ корабли по м҃ мужей» (IX). Теперь ясно, что показаніе о сорока воинахъ на каждую лодью, при требованіи дани, конечно могло быть весьма увеличено (можетъ быть удвоено) побѣдителемъ, и Греки не могли и не смѣли опровергнуть этого, самимъ Олегомъ назначеннаго, числа его ратниковъ. Это было просто означеніе количества требуемой дани, а не исчисленіе воиновъ Олеговыхъ. Мы знаемъ, что и Святославъ, когда Греки спрашивали у него, при подобномъ обстоятельствѣ, о числѣ его Руссовъ, прибавилъ ровно половину, сверхъ наличнаго числа своихъ ратниковъ (X). Знаемъ также, что Руссы брали дань и на умершихъ и убитыхъ (XI). Вотъ-почему мы и не можемъ принять мнѣнія Карамзина о числѣ воиновъ, отправившихся съ Олегомъ подъ Царьградъ. Мы даже не можемъ согласиться и на двѣ-тысячи судовъ, показанныхъ въ нашихъ лѣтописяхъ, по той причинѣ, что находимъ это извѣстіе записаннымъ только во временникахъ нападавшихъ и лишены возможности повѣрить его словами защищавшихся (XII). Но если-бъ мы и приняли вышеприведенное число кораблей и воиновъ (до 100,000, а по Архангельскому списку 400,000) за настоящее, то и допустивъ это, намъ нельзя будетъ поставить Олеговой войны противъ Восточной Имперіи, въ счетъ обыкновенныхъ ополченій Руссовъ и Норманновъ при ихъ нападеніяхъ на непріятельскія земли. Предпріятіе Олега противъ Византіи было, по словамъ и однихъ нашихъ лѣтописей, что-то необычайное, и мы, ни прежде, ни послѣ, не находимъ ничего подобнаго. Лѣтописецъ точно въ такомъ видѣ описываетъ намъ это ополченіе. «Олегъ ....

[21] Исторія Государства Россійскаго. I, 130. Изданіе второе.

поятже ссобою множество Варягъ и Словенъ і Чудь и Кривичь и Мерю и Поляне и Северы и Древляны і Радимичи і Вятичи и Хорваты и Дулѣбы и Тиверцы ..... на конехъ і кораблехъ», и проч.[22], между-тѣмъ-какъ о прежнихъ и послѣдующихъ походахъ онъ говоритъ въ двухъ словахъ: «Аскольдъ и Диръ, оступиша Царьградъ; иде Игорь на Греки; иде Святославъ на Дунаи и на Болгары», и при подобныхъ набѣгахъ, не исчисляетъ народовъ, составлявшихъ войска этихъ князей. Ясно, что война Олега противъ Грековъ была предпріятіе, затѣянное въ большомъ размѣрѣ. Тутъ исчислены не только всѣ народы, составлявшіе тогда владѣнія Руссовъ, отъ Финскаго залива до кочевьевъ Печенѣжскихъ, но даже и непринадлежавшіе имъ и, вѣроятно, нанятые для этого огромнаго предпріятія. Это было что-то похожее на народное переселеніе. Олегъ, можетъ-быть, хотѣлъ завоевать Греческую Имперію и переселиться въ Византію, подобно-тому, какъ онъ перенесъ свою столицу съ береговъ Балтійскаго-Моря въ Кіевъ, откуда уже имѣлъ свободный водяной путь въ Черное-Море (XIII). Олегъ при своей арміи имѣлъ и конницу, которой никогда ни Руссы, ни Норманны не имѣли при обыкновенныхъ своихъ нападеніяхъ. У Святослава, въ Болгаріи, также не было конныхъ воиновъ, и Византійцы рѣшительно свидѣтельствуютъ, что Руссы не умѣли сражаться на лошадяхъ[23]. По всѣмъ этимъ причинамъ мы не можемъ принять въ счетъ многочисленнаго войска Олегова (по тогдашнему народонаселенію Руси), при соображеніи числа воиновъ, которое могъ имѣть Святославъ, отправляясь изъ Кіева для наказанія Болгаръ, по договору, заключенному съ императоромъ Никифоромъ.

3. Количества войскъ и кораблей, собранныхъ Игоремъ, для нападенія на Царьградъ, лѣтописецъ намъ не объявляетъ; а говоритъ только, что «послаша Болгаре вѣсть ко Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ скѣдии ı̄ тысящь»[24]. Это не положительное извѣстіе о числѣ отправившихся судовъ изъ Руси, а только одно предположеніе Болгаръ, которые не могли знать настоя-

---

[22] Лѣтопись по Никоновскому списку. I, 29. Тѣ-же народы исчислены въ Радзивиловскомъ, стр. 23–24, и въ другихъ.

[23] *Leon, diac.* historia. L. IX, c. I, p. 143. *Cedren.* II, 529.

[24] Несторъ, изд. *Тимковскимъ*, стр. 18, и другіе списки.

щаго количества войскъ Игоря, и сверхъ-того взятое цѣликомъ изъ Византійскихъ извѣстій, какъ доказываетъ расказъ о семъ походѣ, слово-въ-слово переведенный съ Греческаго нашимъ или Болгарскимъ лѣтописцемъ (xiv). И самое названіе судовъ, всегда извѣстныхъ у Нестора подъ словомъ корабли (лодья), вдругъ, при этомъ описаніи, измѣняемое въ «скѣдни», также указываетъ на источникъ Византійскій (xv). Но и Греческіе лѣтописатели не всѣ насчитываютъ у Игоря 10,000 однодеревокъ: Левъ-Грамматикъ именно говоритъ, что Руссы, напавшіе на Царьградъ, въ 941 году, имѣли не болѣе десяти-тысячъ воиновъ[25], а Ліутпрандъ полагаетъ у нихъ только «слишкомъ тысячу судовъ»[26], а не десять и даже пятнадцать-тысячъ однодеревокъ, какъ расказываютъ Зонара[27] и Кедринъ[28]. Мы уже видѣли выше, сколь мало можно положиться на слова сихъ двухъ Византійцевъ, и какъ они, при описаніи Болгарской войны, насчитываютъ до 700,000 войска у Святослава.

Итакъ изъ всѣхъ трехъ нападеній Руссовъ на Восточную Имперію, мы можемъ принять въ соображеніе только одинъ походъ Аскольда и Дира, въ которомъ число судовъ есть фактъ положительно засвидѣтельствованный, какъ нашими, такъ и Греческими лѣтописями. Этотъ фактъ доказываетъ намъ, что, если Руссы, въ половинѣ IX вѣка, могли на двухъ-стахъ судахъ опустошить всѣ окрестности Царьграда, выжечь берега по обѣимъ сторонамъ Ѳракійскаго Воспора, войти безпрепятственно въ самую гавань, разграбить имущество Византійцевъ, въ-виду столицы и самого императора, въ ней находившагося, и даже вѣроятно, овладѣли-бы частію Византіи, если-бы вдругъ поднявшаяся буря не разсѣяла ихъ челноковъ[29], то и Святославу не нужно было болѣе этого числа лодокъ для похода на Дунай, который гораздо ближе къ Днѣпровскому лиману, чѣмъ Царьградъ. И самое плаваніе изъ Днѣпра въ Дунай было несравненно легче, и могло гораздо скорѣе совершиться, чѣмъ походъ подъ Константинополь. Набѣгъ на Болгарію былъ первоначально не что другое,

---

[25] *Leonis Grammatici* Chronographia. p. 401. Венец. изд.

[26] *Карамзинъ:* Исторія Государства Россійскаго. I, прим. 341. Второе изданіе.

[27] *Zonorae* Annales. II, 150. Вен. изд.

[28] *Cedren.* II, 493. Вен. изд.

[29] См. примѣчаніе VII.

какъ исполненіе принятаго Святославомъ на себя порученія наказать Болгаръ, то есть нечаянно напасть на нихъ, ограбить, разорить, выжечь и возвратиться домой, а для этого и въ наше время партизанамъ даютъ небольшіе отряды.

Руссы, при нападеніи на Болгарію, слѣдовали, вѣроятно, правилу Норманновъ при обыкновенныхъ ихъ набѣгахъ на чужія государства: «если удастся, то ограбить, опустошить и возвратиться домой; при неудачѣ также вернуться во-свояси».

Слѣдовательно мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться на 60,000 воиновъ, будто-бы отправившихся съ Святославомъ изъ Кіева. Эти слова Льва-Діакона мы должны принять въ томъ смыслѣ, какъ разумѣемъ всѣ подобныя показанія Византійцевъ о числѣ ихъ непріятелей. Руссы отправились Днѣпромъ, Чернымъ-Моремъ и Дунаемъ. По всей этой дорогѣ имъ нельзя было грабить и имѣть продовольствіе на-счетъ земли. Оба берега Днѣпра, начиная отъ Витичева (50 верстъ ниже Кіева), были заняты кочевьями Печенѣговъ, равно также и берега Чернаго-Моря отъ лимана почти до самаго Дуная (xvi); тутъ не только Руссы не могли доставать себѣ мечемъ жизненныхъ припасовъ, но ежедневно ожидали нападенія Печенѣговъ (xvii). Плывя Дунаемъ Святославъ также, вѣроятно, не могъ останавливаться для грабежа, потому-что весь успѣхъ его набѣга зависѣлъ совершенно отъ скораго и болѣе всего нечаяннаго нападенія и разбитія Болгаръ. Какое-же огромное количество съѣстныхъ припасовъ должны были Руссы взять съ собою изъ Кіева, чтобы прокормить 60,000 воиновъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, не полагая даже въ это исчисленіе тѣхъ, которые, кромѣ носившихъ оружіе, должны были оставаться при лодьяхъ и запасахъ? Сверхъ-того, оружіе, одежда, мачты, паруса, какія-нибудь, хотя самыя простыя орудія для взятія городовъ, все это также надобно было помѣстить на тѣхъ-же однодеревкахъ. Мы знаемъ, что съ Руссами были и женщины [30], можетъ-быть и дѣти (xviii). Сколько нужно было челноковъ, чтобы перевезти все это изъ Кіева до Силистріи, и помѣстить на нихъ еще 60,000 ратниковъ? Послѣдствіемъ всего вышеписаннаго будетъ наше рѣшительное мнѣніе, что Святославъ, въ предпріятіи своемъ на Болгарію, имѣлъ такое-же

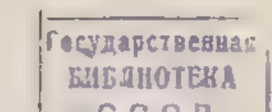
[30] *Cedren.* II, 532.

почти число лодокъ и воиновъ, съ какимъ Аскольдъ и Диръ нападали на Восточную Имперію (xix). Это наше предположеніе подтверждается и словами лѣтописца, который, при описаніи Болгарской войны, говоритъ слѣдующее: «И рѣша Грьцы ...... возьми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы. Се же рѣша Грьци, льстяче подъ Русью. И рече имъ Святославъ: есть насъ К҃ тысящь и прирече Ī тысящь, бѣ бо Руси Ī тысящь только», и проч.[31]. Съ этимъ числомъ Варяжскихъ храбрецовъ, закаленныхъ въ бояхъ и бывшихъ, вѣроятно, во всѣхъ прежнихъ набѣгахъ Святослава на Древлянъ, Вятичей, Хазаръ, Ясовъ, Касоговъ и проч., нашъ великій князь вошелъ въ Дунай и напалъ на Болгаръ, не ожидавшихъ этого перваго на нихъ нападенія со-стороны Руси. Болгаре, наскоро собравшіеся, при видѣ плывшихъ уже по Дунаю Руссовъ, были разбиты при самомъ выходѣ Святославова ополченія изъ лодокъ; царь Петръ (xx) вскорѣ умеръ, и остальные его воины, затворившіеся въ Доростолѣ, не имѣя предводителя, сдалися Руссамъ. Святославъ воспользовался всѣми этими обстоятельствовами и Болгарія была завоевана съ малыми средствами. Этого, конечно, при отправленіи изъ Кіева, не ожидали и сами Руссы, имѣвшіе въ-виду только одинъ грабежъ, за условленную плату. Теперь, завоевавъ столь легко обширную и плодоносную страну, Святославъ началъ уже говорить Грекамъ словами побѣдителя, и думалъ, что съ Византійцами онъ могъ столь-же легко управиться, какъ съ Болгарами. Къ этому подстрекалъ его Калокиръ, имѣвшій свои виды на Царьградъ. Послѣдствія не оправдали ожиданій Руссовъ, но Святославъ самъ, своею безпечностію и тѣмъ, что слишкомъ полагался на увѣренія хитрыхъ Грековъ, былъ виновникомъ своей неудачи. Все это мы увидимъ изъ самаго описанія войны Руссовъ противъ Болгаръ и Грековъ[32], а теперь посмотримъ, съ какими малыми средствами Норманны совершали большія предпріятія: это не будетъ чуждо нашему разсужденію и подкрѣпитъ также наше мнѣніе о числѣ войскъ завоевавшихъ Болгарію.

Годефридъ, король Даніи, Ютландіи и части Норвегіи, въ 810 году, на

[31] Несторъ, изд. *Тимковскимъ*, стр. 40.

[32] Описаніе войны Святослава противъ Болгаръ и Восточной Имперіи будетъ издано въ нынѣшнемъ году.

двухъ-стахъ лодьяхъ сдѣлалъ нападеніе на берега Фрисландіи, завоевалъ всю сторону до Ахена, разбилъ Фрисландцевъ, получилъ въ добычу 100 фунтовъ серебра, и намѣревался напасть на самого Карла-Великаго въ Ахенѣ, но былъ убитъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ [53].

Въ 820 году (или вскорѣ послѣ этого) Норманны на *тринадцати судахъ* овладѣли островами Олерономъ и Ре, находящимися у береговъ Пуату и вся западная часть Франціи была ими опустошена [54].

Норманны, послѣ Фонтенейскаго сраженія, вошли въ Луару на *шестидесяти-семи судахъ*, взяли приступомъ Нантъ, заняли одинъ изъ острововъ этой рѣки, построили на немъ деревянные дома, и отсюда, долго производили свои набѣги и грабежи по всей Бретани [55].

Въ царствованіе Рамира, короля Испанскаго, Норманны уже въ другой разъ явились на Пиринейскомъ полуостровѣ [56], напали на Галицію, но были отражены жителями этой провинціи [57]. Тогда, въ числѣ тридцати-только судовъ, они вошли въ устье Гаронны, ограбили Бордо, опустошили Байонну, Олеронъ, Базасъ, Лектуръ, Даксъ, Бигорръ, Кондомъ и всю Гасконію до самой Тулузы, напали на Тарбъ, окруженный высокими стѣнами и глубокимъ рвомъ, взяли приступомъ этотъ городъ, превратили его въ пепелъ, и заняли укрѣпленное мѣсто на островѣ Гаронны. Отсюда, въ слѣдующемъ году, Норманны отправились на *пятидесяти-четырехъ лодьяхъ*, опять въ Испанію, овладѣли Лиссабономъ, вошли въ Гвадалквивиръ, заняли Севиллу (въ 844 году), прогнали Сарацынъ до Кордовы, и получили несмѣтныя сокровища [58].

Норманны, на *ста-двадцати лодьяхъ*, въ 845 году, вошли въ Сену, овладѣли Парижемъ, Бове, Сентъ-Омеромъ, и получили отъ Карла-Плѣшиваго 7,000 фунтовъ серебра, нынѣ болѣе полумилліона франковъ. Регнаръ, ихъ

---

[53] *Кругъ:* О Русскихъ монетахъ. стр. 225. *Depping:* Hist. des expéditions des Normands. I, 105–106.

[54] *Toustain-Richebourg:* Histoire de la Neustrie ou Normandie, I, 36—37. — Норманны, въ Annal. Bertin. и лѣтописи города Меца, называются «Nord*liudi*» — сѣверные *люди*.

[55] *Depping*, I, 127–131.

[56] Въ первое нападеніе они ограбили Севиллу въ 827 году. См. *Mariana:* Hist. d'Espagn. T. I. *Depping*, I, 110. — Норманны оставались цѣлый годъ въ Севиллѣ. *Toustain-Richeburg*, I, 37.

[57] *John Bigland:* Histoire d'Espagne, I, 84–85.

[58] *Френъ:* Bulletin de l'Academie Impériale de St.-Pétersbourg. T. IV, p. 137. *Depping*, I, 131–135.

предводитель, привезъ съ собою въ Данію желѣзный гвоздь, вынутый имъ изъ «воротъ» Парижа (XXI), и показывалъ его, какъ трофей своей побѣды [39].

Сидрокъ, въ 854 году, на *сто-пяти судахъ* напалъ на западные берега Франціи, и, соединясь съ Гастингсомъ, вошелъ въ Луару, сжегъ Анжеръ, ограбилъ всю страну, взялъ Туръ, Орлеанъ, Флёри, Шабли и Оксерръ. Такимъ-образомъ Норманны производили завоеванія до самой Бургундіи и, удалясь на своихъ челнокахъ отъ морскихъ береговъ слишкомъ на 400 верстъ, опустошили самую средину населеннѣйшей части Франціи [40]. Другой начальникъ пиратовъ, Гастингсъ, оставивъ Францію (гдѣ Норманны получили 685 фунтовъ золота и 3,250 фунтовъ серебра [41]), отправился на *ста судахъ* въ Средиземное-Море, опустошилъ берега Испаніи, ограбилъ сѣверную Африку (XXII) въ 859 году, завоевалъ острова Балеарскіе, овладѣлъ городами Пизою (въ 860 году) и Луккою въ сѣверной Италіи [42]. На возвратномъ пути изъ Италіи, Гастингсъ лишился, во время сильной бури, половины своихъ кораблей. Несмотря на это, Норманны напали на южную Францію, вошли въ Рону, овладѣли Нимомъ, Арлемъ и опустошили Лангедокъ [43].

Въ 861 году, Датчане на *двухъ-стахъ лодьяхъ*, подъ предводительствомъ Веланда, вошли въ Сену, овладѣли Сентъ-Омеромъ и опустошили всю сѣверную Францію [44]. Другіе Норманны, въ это-же время, на *шестидесяти судахъ* грабили Испанію въ продолженіе цѣлаго года [45].

Лангеноръ-Лодброгъ, король Датскій, въ 865 году, на *двухъ* только большихъ судахъ, съ нѣсколькими сотнями Норманновъ, предпринялъ завоеваніе Нортумберланда [46].

Въ этомъ-же году, Бардъ на *сорока лодьяхъ*, вошелъ въ Луару, овла-

---

[39] Essai sur l'histoire de Normandie, I, 49. *Depping*, I, 136—139.

[40] *Depping*, I, 153.

[41] Полтора милліона франковъ. *Des-Michels:* Histoire du moyen âge. II, 462.

[42] *Des-Michels*, II, 457. *Depping*, I, 164—167.

[43] *Depping*, I, 175.

[44] *Кругъ:* О Русскихъ монетахъ. 230.

[45] *Depping*, I, 180.

[46] *Thierry:* Histoire de la conquête de l'Angleterre, I, 101—102. 4-me édition.

дѣлъ Орлеаномъ, ограбилъ всѣ окрестности, и распространилъ ужасъ до Пуатье и Мана [47].

Черезъ годъ послѣ этого, Норманны на *пятидесяти судахъ*, по теченію Сены, явились передъ Парижемъ, послали *двѣсти воиновъ* въ самый городъ добыть вина, и оставались покойными обладателями Сенъ-Дени цѣлыхъ три недѣли [48].

Въ 876 году, Норманны опять напали въ числѣ *ста судовъ* на сѣверные берега Франціи, вошли въ Сену, и безнаказанно разоряли нещастное королевство [49].

Двѣнадцать судовъ Норманскихъ считались уже достаточнымъ ополченіемъ. Такое точно число кораблей прислалъ Алфредъ, сильный король Англійскій, союзнику своему знаменитому Рольфу, будущему герцогу Норманискому, въ силу заключеннаго съ нимъ договора [50].

Норманны, въ 988 году, на *семи судахъ* сдѣлали высадку на берега Кента, и овладѣли островомъ Тенетомъ. Въ это-же время другіе Норманны, на *трехъ* только судахъ, ограбили окрестности Сутгамптона, завоевали многія мѣста восточной Англіи, и распространили ужасъ до самаго Лондона. Король Этельридъ предложилъ имъ 10,000 ливровъ: они взяли эту сумму, оставили Англію, но вскорѣ возвратились и продолжали свои нападенія (991-993) [51].

Англійскій король Этельридъ, въ 1002 году, былъ принужденъ заплатить 24,000 фунтовъ двумъ королямъ: Датскому Свену и Норвежскому Олаву, напавшимъ на Англію съ *восьмьюдесятью лодьями*, на которыхъ Норманны вошли въ Темзу, и уже овладѣли, какъ обоими берегами рѣки, такъ и близълежащими мѣстами [52].

Довольно и этихъ примѣровъ, чтобы удостовѣриться: съ какими малыми средствами Норманны производили свои нападенія на прибрежныя части всей

---

[47] *Depping*, I, 193.
[48] [49] [50] Ibid. I, 196—197, 212, 216.
[51] *Thierry*, I, 135—136.
[52] Ibid. I, 136—137.

Европы и даже Африки, воевали безпрепятственно более ста лѣтъ во Франціи, завладѣли Фрисландіею, Нормандіею, и покорили Англію.

Впрочемъ, полагая у Святослава не болѣе 10,000 Руссовъ, мы совершенно согласны съ Византійцами въ томъ, что, завоевавъ Болгарію, онъ конечно могъ набрать вспомогательный отрядъ изъ Болгаръ, и, не имѣя собственной конницы, нанималъ Венгровъ, для набѣга на Адріанополь (XXIII).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(I) По хронологіи Русскаго перевода исторіи Льва-Діакона, война Святослава противъ Болгаръ, была начата въ 967 году[53]. Шлецеръ полагаетъ ее въ этомъже году (*Несторъ Шлецера, V, 128*). По списку Несторовой лѣтописи, изданному *Тимковскимъ (стр. 36)*, Святославъ отправился изъ Кіева въ 6475 отъ сотворенія міра, т. е. въ 967 году; Карамзинъ при описаніи этого происшествія выставляетъ также 967 годъ (*Исторія Госуд. Россійск. 2-е изд. I, 173*). — Мирный договоръ заключенъ въ концѣ Іюля 971 года, по нашимъ и Византійскимъ извѣстіямъ.

(II) Исторія Льва-Діакона не была извѣстна издателямъ собранія Византійскихъ историковъ; она не находится ни въ Парижскомъ, ни въ Венеціянскомъ изданіяхъ. Единственный пергаминной манускриптъ Льва-Діакона хранится въ

---

[53] См. Примѣчанія на IV книгу, стр. 187.

Парижской королевской библіотекѣ. Въ 1820 году былъ напечатанъ Русскій переводъ этой рукописи, по желанію и на иждивеніи графа Румянцова. Греческій подлинникъ, съ Латинскимъ переводомъ, помѣщенъ въ новомъ изданіи Византійцевъ: Corpus scriptorum historiae Byzantinae, editio emendatior et copiosior, consilio B. S. Niebuhrii C. F. instituta, pars XI. Leo Diaconus e recensione C. B. Hasii, etc. Bonae. 1828. 624 p. in 8°. Левъ-Діаконъ былъ современникъ и часто очевидецъ описываемыхъ имъ происшествій. Онъ находился въ Константинополѣ въ 966 и последующихъ годахъ, а потому и могъ имѣть вѣрнѣйшія извѣстія о причинѣ, заставившей императора Никифора возбудить Святослава на Болгаръ, о завоеваніи ихъ страны Руссами и о возникшей, въ-слѣдствіе этого, новой войнѣ между Святославомъ и Греками; зналъ, вѣроятно, многія подробности этой эпохи, и описалъ ихъ добросовѣстно. Нашъ лѣтописатель былъ діакономъ при императорѣ Василіѣ, въ 981 году, и находился при осадѣ города Тріадицы [54] въ Болгарскую войну. По всему этому онъ долженъ быть предпочтенъ другимъ Византійцамъ, въ отношеніи къ описанію войны Святослава съ Болгарами и Греками, которую изобразилъ гораздо подробнѣе прочихъ своихъ соотечественниковъ. Извѣстно, что другіе, на-примѣръ Скилитцій и Зонара, много пользовались исторіею Льва-Діакона, а Кедринъ выписывалъ изъ Скилитція (см. предисловіе Газе къ изданной имъ рукописи). Лѣтопись нашего Византійца оканчивается 989 годомъ. Г. Газе, при изданіи этого сочиненія, въ отношеніи къ хронологіи Византійскихъ происшествій слѣдовалъ ученымъ замѣчаніямъ нашего академика Ф. И. Круга (помѣщеннымъ въ «Versuch zur Aufklärung der Byzantischen Chronologie»), какъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи.

(III) Пораженіе Русскаго отряда подъ Адріанополемъ не могло быть столь значительно, какъ описываютъ Византійцы, ибо, немедленно послѣ этого, мы видимъ Руссовъ сильно нападающихъ на Македонію, и Левъ-Діаконъ говоритъ, что именно въ это время «предпріимчивость ихъ достигла высочайшей степени: императору предстояла отъ нихъ столь великая опасность, что онъ рѣшился собрать всѣ свои силы для отраженія побѣдоносныхъ Руссовъ» [55]. Кромѣ этого опустошенія Македоніи, мы находимъ у Льва-Діакона еще набѣгъ Руссовъ на Ѳракію, предшествовавшій позднѣйшему ихъ переходу чрезъ Емскія горы и сраженію подъ Адріанополемъ [56]. Святославъ, утвердившись въ Болгаріи и покоривъ совершенно эту страну, не оставался, конечно, спокойнымъ

[54] Тріадица: такъ называли Словене городъ извѣстный, у Грековъ подъ именемъ Σαρδίκη, Sardica. Теперь онъ называется Софія.

[55] *Leon. diac.* hist. Lib. VII, c. 9, p. 126.

[56] *Leon. diac.* hist. Lib. VI, c. 11, p. 107.

обладателемъ одной древней Мисіи, а вѣроятно распространялъ свои набѣги на всѣ близъ-лежащія Греческія провинціи, и тѣмъ легче, что всѣ были населены Словенами. Мы знаемъ, что многолюдный городъ Филиппополь, на границѣ Ѳракіи и Македоніи, былъ завоеванъ Святославомъ въ эту войну[67]. Этотъ городъ находится въ значительномъ разстояніи отъ границъ Болгаріи, а потому и можемъ предполагать, что всѣ области, отдѣляющія Филиппополь отъ Болгаріи, были также завоеваны Руссами. Но Византійцы неохотно передавали потомству описаніе тѣхъ происшествій, которыя показывали слабость ихъ правительства, и только нечаянно, при расказѣ о постороннихъ предметахъ, роняли невольно, по нѣскольку словъ, обличающихъ наше предположеніе. — И ежели дѣйствительно Склиръ, имѣя только 12,000 воиновъ, разбилъ 308,000 непріятелей, и почти всѣхъ ихъ уничтожилъ, то зачѣмъ-же самъ императоръ принужденъ былъ, вскорѣ послѣ этого, предпринять со всѣми своими войсками походъ противъ Руссовъ?

(iv) Этими-же точно словами лѣтописецъ описываетъ и другіе набѣги нашихъ Варяговъ на сосѣдніе народы: «Олегъ иде на Сѣверяне» *(Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 15)*; «Игорь иде въ Дерева в дань» *(тамъ-же, стр. 27)*. «И иде (Святославъ) «на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи. — Иде Святославъ на Козары» *(тамъ-же, 35)*. Въ Архангелогородскомъ спискѣ: «Иде Олгъ на Древляны, и на Севѣры и на Козары» *(стр. 7)*, «Игорь иде въ Древляны» *(стр. 10)*. «Иде Ольга на Древскую землю» *(стр. 14)*. «Святославъ пойде на Оку, на Волгу и налѣзе Вятици» *(стр. 16)*. «Иде Святославъ на Козары» *(стр. 17)*. Во 2-мъ Новогородскомъ (попа Ивана и пономаря Тимоѳея): «Володимеръ иде на Емь, ... иде на Грьки» *(стр. 3)*. Такъ въ Радзивиловскомъ, Никоновскомъ и во всѣхъ другихъ спискахъ.

(v) «Калокиръ, который, въ Сиріи сдружился съ Руссами», сказано будто-бы у Льва-Діакона въ выпискахъ Пагія, по свидѣтельству Шлецера *(Несторъ Шлецера, въ Русскомъ переводѣ, III, 500)*. Этихъ словъ нѣтъ ни въ Латинскомъ, ни въ въ Русскомъ переводахъ Льва-Діакона, изд. Газе. — Но Руссы дѣйствительно сражались въ Сиріи подъ знаменами Грековъ. Въ 949 году, на Греческомъ флотѣ, посланномъ къ острову Криту, находилось болѣе 600 Руссовъ, и въ числѣ кораблей девять Русскихъ *(Штриттера: Выписки изъ Визант. истор. III, 29)*. — Въ 960-961 годахъ, при завоеваніи того-же острова Крита, Руссы составляли часть войска, бывшаго подъ начальствомъ Никифора Фоки (Krug: Byzant. Chronologie, 307—308, и *Примѣчанія къ Русскому переводу Льва-Діакона, стр. 181)*. Въ 962 году, это

[67] *Leon. diac.* hist. Lib. VI, c. 10, p. 105.

самое войско было употреблено въ Сиріи; слѣдовательно и Руссы, находившіеся подъ начальствомъ Никифора, сражались тогда на Востокѣ, вмѣстѣ съ Греческимъ ополченіемъ, — и тутъ, конечно, Колокиръ могъ съ ними познакомиться.

(vi) «Въ лѣто ЅТОД Аскольдъ и Диръ ...... *въ двою сотъ корабль* Царьградъ оступиша» *(Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 13)*. Въ Радзивиловскомъ спискѣ: «*въ дву сту кораблю* Царьградъ оступиша» *(стр. 17)*.

(vii) О первомъ нападеніи Руссовъ на Царьградъ говорятъ слѣдующіе семь Византійцевъ:

a) *Левъ-Грамматикъ*, при описаніи царствованія императора Михаила: «Императоръ препоручилъ Византію Уриѳѣ, и отправился на войну противъ Агарянъ. Михаилъ уже находился на Черной-Рѣкѣ, какъ вдругъ, неожиданно, получилъ извѣстіе отъ Уриѳа, что Руссы идутъ на Византію. Они вошли въ Іеронъ, и проливали кровь Христіанъ (тутъ жившихъ). Руссы явились передъ Византіею *на двухъ-стахъ лодьяхъ*, и окруживъ ими городъ (съ моря), навели великій страхъ на жителей. Самъ императоръ едва могъ пробраться въ свою столицу, и пошелъ съ патріархомъ Фотіемъ въ храмъ Влахернскій, и пр. Поднялся великій вѣтръ, опрокинулъ и разбилъ корабли безбожныхъ Руссовъ, и мало ихъ спаслось отъ погибели» *(Leonis grammatici, Chronographia, p. 368)*.

b) *Георгій-Монахъ:* «Императоръ (Михаилъ) отправился противъ Агарянъ, оставивъ Уриѳу префектомъ въ Царьградѣ. Михаилъ былъ уже у Мавропотама, когда получилъ извѣстіе отъ Уриѳа, что безбожные Руссы идутъ на Византію. Тогда императоръ рѣшился возвратиться въ свою столицу, а Руссы между-тѣмъ вошли въ Іеронъ, убили множество Христіанъ, и пролили потоки крови. Руссы прибыли на *двухъ-стахъ лодьяхъ*, которыми обложили городъ, и навели страхъ на всѣхъ жителей. Михаилъ, возвратясь съ большою опасностію въ городъ, отправился съ патріархомъ въ храмъ, и пр. Вдругъ поднялась буря, лодьи Руссовъ были разсѣяны, разбиты, и весьма мало ихъ спаслось отъ погибели» *(Georgii monachi vitae recentiorum imperatorum. Imperium Michaelis cum matre Theodora, p. 400–401)*.

c) *Продолжатель Константина-Порфиророднаго:* «Руссы, народъ Скиѳскій, напали на страны, принадлежащіе Римлянамъ, опустошили (огнемъ: igni desolarent) берега Понта, и окружили самую столицу, въ то время, какъ императоръ находился въ походѣ противъ Измаелитовъ. Вскорѣ послѣ этого Руссы прислали въ Царьградъ просить св. крещенія». *(Constantini Porphyrogenneti, continuator, Lib. IV, Michaelis Theophili filius imperium, p. 90, § XXXIII)*.

d) *Кедринъ:* «Между-тѣмъ Руссы, на своихъ лодьяхъ, опустошали берега Чер-

наго-Моря. Руссы суть народъ Скиѳскій, живущій у сѣвернаго Тавра, свирѣпый и жестокій. Они угрожали великимъ бѣдствіемъ столицѣ, но испытавъ гнѣвъ Божій, возвратились домой; потомъ прислали пословъ въ Византію съ усильною просьбою о принятіи ихъ въ Христіанскую вѣру, и сподобились получить оную» *(Georgii Cedreni, compendium historiarum, T. II, p. 433)*.

e) *Зонара*, при описаніи царствованія Михаила: «Руссы, народъ Скиѳскій, жители горы Тавра, вошли въ Понтъ-Евксинскій, и угрожали своими кораблями окрестностямъ Византіи; но заступленіемъ Божіимъ не были допущены до самой столицы» *(Ioannis Zonarae, annales, T. II, lib. XVI, c. V)*.

f) *Симеонъ-Логоѳета*, при описаніи единодержавія императора Михаила: «Императоръ, въ девятое лѣто своего царствованія, предпринялъ походъ противъ Агарянъ, и дошелъ до Черной-Рѣки (ad Mauropotamum). Здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что Руссы на *двухъ-стахъ лодьяхъ* идутъ на Византію. Услышавъ это, Михаилъ возвратился въ свою столицу (предпринялъ обратный путь). Въ десятое лѣто (его-же царствованія), Руссы вошли въ Іеронъ, содѣлали множество убійствъ, и, какъ только императоръ едва нашелъ возможность возвратиться въ Византію, то пошелъ съ патріархомъ въ церковь Влахернскую ...... Вдругъ поднялась буря, корабли нечестивыхъ Руссовъ были разбиты, разсѣяны вѣтромъ, и весьма малое число избѣжало погибели» *(Symeonis magistri ac logothetae, annales, § XXXVII et XXXVIII, p. 334.*

NB. *Всѣ ссылки на Византійцевъ сдѣланы по Венеціянскому изданію.*

Примѣчаніе. Руссы грабили берега Понта, и напали на Царьградъ въ девятое лѣто единодержавія Михаилова, а буря, разсѣявшая ихъ корабли и избавившая Византію отъ опасности, случилась въ десятое лѣто его царствованія. Императоръ Ѳеофилъ умеръ 842 года Января 20, а сынъ его Михаилъ вступилъ на престолъ, того-же года 21 Января, подъ попечительствомъ своей матери Ѳеодоры [58]. Симеонъ-Логоѳета говоритъ [59], что Ѳеодора царствовала вмѣстѣ съ сыномъ, четырнадцать лѣтъ, до 856 года. Съ этого времени Симеонъ считаетъ годы единодержавія Михаилова; а нападеніе Аскольда и Дира полагаетъ въ девятый, послѣ 856 года. Если первый годъ единодержавія есть 857-й, то девятый придется въ 865 году. Слѣдовательно Руссы напали на Царьградъ въ концѣ этого года, предполагая, что набѣгъ ихъ не могъ быть продолжителенъ; ибо въ слѣдующемъ году, т. е. въ 866, въ десятое лѣто царствованія Михаилова (онъ вступилъ на престолъ 21 Января), буря разбила ихъ корабли, и Царьградъ былъ спасенъ. Михаилъ убитъ въ 868 году 23 Сентября [60]. Всѣ наши лѣтописи, какъ-то: Радзивиловская [61],

[58] Krug: Byzant. Chronologie. 1, 218, 256.
[59] *Symeo:* Annal. p. 322. Венец. изд.
[60] Krug: Byzant. Chronologie. 2-4, 97.
[61] «Въ лѣто 6374 иде Аскольдъ и Диръ на Греки». стр. 17.

Лаврентьевская[62], Никоновская[63], Архангелогородская[64] и другія, выставляютъ 6374 при нападеніи Аскольда и Дира на Царьградъ, т. е. согласно съ Симеономъ 866 годъ. Но разница между показаніями Нестора и Симеона состоитъ въ томъ, что послѣдній полагаетъ въ 865 году нападеніе, а въ 866 бурю, заставившую Руссовъ удалиться отъ Царьграда, тогда-какъ первый (по всѣмъ спискамъ) говоритъ: «въ 6374 иде Аскольдъ и Диръ па Греки», а «въ лѣто ЅТОЕ *возвратишася* въ-своаси», слѣдовательно уже въ 867 году; но послѣднее можно объяснить тѣмъ, что Руссы, при своей неудачѣ на Византію, хотѣли вознаградить себя набѣгомъ на другіе берега Чернаго-Моря, и можетъ-быть грабили въ продолженіе цѣлаго года богатые приморскіе города южнаго берега Понта-Евксинскаго. Это совершенно сходно съ обычаями Норманновъ. — Перваго разнословія не объяснилъ намъ Карамзинъ; онъ просто, при описаніи нападенія Руссовъ, выставляетъ 866 годъ, не входя ни въ какія подробности и не свѣряя этого показанія съ свидѣтельствомъ Византійцевъ. Впрочемъ и извѣстная окружная граммата патріарха Фотія, въ которой онъ говоритъ объ обращеніи Руссовъ въ Христіанскую вѣру, писана въ 866 году[65].

g) *Георгій Гамартолъ* (Византіецъ, досихъ-поръ еще неизданный): «Царь-же на Агаряны изыде воевати, Оорифанта въ Костянтинѣградѣ оставивъ, дошедшу-же ему Черныа рѣкы глаголемыя, и се абіе вѣсть ему Епархъ посла, яко Русь на Костянтиньградъ идутъ, Асколдъ и Диръ, и тѣмъ царь прочь не иде: Русь-же, внутрь суда вшедше, много убійство Христіаномъ сътвориша, и пришли бо бяху въ *двоію сту лодій*, Костянтиньградъ оступиша. Царь же, дошедъ, едва въ градъ вниде, и съ Патріархомъ Фотіемъ къ сущей церкви святыа Богородица Влахернѣхъ, и абіе пакы въ ту нощную молбу створиша и (имя же се пріятъ мѣсто то, нѣкоторому князю, Скуфлянину родомъ, Влахерну нарицаему, ту ему убіену бывшу) таче божественую святыа Богородица ризу съ пѣсньми изнесшу, въ мори скутъ омочивше, тишинѣ же сущи и морю укротившуся, абіе буря съ вѣтромъ въста, и волнамъ велінмъ въздвигшемся засобь, безбожныхъ Руси лодья возьмяте, и къ брегу привержени, и избіени, яко мало отъ нихъ отъ таковыа бѣды избѣгнути, и въ своаси съ побѣженіемъ возвратишася (*Труды и лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. IV, кн. 1, стр. 182*). Этого древняго перевода хроники Георгія Гамартола, находится четыре списка у насъ въ Россіи (см. *статью П. М. Строева, тамъ-же, стр. 174*).

(VIII) Лѣтописецъ Архангелогородскій насчитываетъ еще болѣе: «2,000 кораблей, а въ корабли по 200 мужъ» *(стр. 7)*, выходитъ 400,000 воиновъ!

---

[62] Лаврент. стр. 13.
[63] Никоновская. стр. 16.
[64] Архангелогород. стр. 5.
[65] Истор. Госуд. Росс. Т. I, стр. 117 и 118, изд. второе.

(IX) Лѣтопись по Никонову списку *(I, 30)*; то-же въ Радзивиловскомъ *(стр. 24)* и въ другихъ. Описанія Олегова нападенія на Царьградъ нѣтъ въ Лаврентьевскомъ, потому-что въ немъ недостаетъ 6 писанныхъ четвертокъ, или цѣлыхъ 24 лѣтъ повѣствованія.

(X) «И рече имъ Святославъ: есть насъ К тысящь и прирече Ī тысящь, бѣ бо Руси Ī тысящь только» *(Несторъ, изд. Тимк. 40)*.

(XI) «И въдаша ему дань; имашеть же и за оубьеныя, глаголя: яко родъ его возметь» *(Несторъ, изд. Тимковскимъ, 41)*.

(XII) Мы разсуждаемъ здѣсь только о числѣ кораблей и войскъ, бывшихъ съ Олегомъ подъ Царьградомъ; самый-же походъ есть, конечно, фактъ историческій: Олеговъ договоръ, вопреки Шлецеру, доказанъ положительно Кругомъ (Kritischer Versuch zur Aufklär. der Byzant. Chronologie. S. 19, 108—112).

(XIII) Въ исторіи Европы нельзя не замѣтить постояннаго, нѣсколько столѣтій продолжавшагося стремленія Норманновъ (а въ нашей Руссовъ) съ сѣвера на югъ. Скандинавы, едва узнаютъ берега Фрисландіи, какъ уже плывутъ по Сенѣ, Луарѣ и Гароннѣ, обходятъ вокругъ всѣхъ Французскихъ береговъ, грабятъ Португалію, Испанію, являются въ Средиземномъ-Морѣ, занимаютъ Балеарскіе острова разоряютъ мимоходомъ сѣверную Африку, и основываютъ, въ южной Италіи и Сициліи, Норманскія государства. Отсюда воюютъ противъ Восточной имперіи, занимаютъ часть Греціи, и наконецъ нападаютъ на самую Византію[66]. Въ это-же время Руссы, открывъ берега Финскаго залива, входятъ въ Неву, Ильмень, плаваютъ по всѣмъ рѣкамъ пространной Россіи и всегда съ сѣвера на югъ, потому-что ищутъ пути въ Грецію, основываютъ обширнѣйшее царство въ мірѣ, переносятъ столицу въ Кіевъ, и постоянно стремятся на Царьградъ, на который нападаютъ много разъ въ продолженіе IX, X и XI вѣковъ. Вездѣ, гдѣ была вода: море, озера, гдѣ текли рѣки, тамъ ничто не могло устоять противъ Норманновъ. Средства ихъ были: необыкновенная храбрость, желѣзная воля, мечъ и утлая лодья. Замѣтивъ стремленіе этого народа съ сѣвера на югъ, скажемъ еще опредѣленнѣе: цѣль его предпріятій была Царьградъ, по-крайней-мѣрѣ нашихъ Руссовъ. Скандинавія, выславъ съ каменистыхъ и хладныхъ своихъ береговъ тысячи Норманновъ, дала имъ, казалось, при отправленіи лозунгъ: «Византія». Туда сыны сѣвера стремились настойчиво, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Съ запада, черезъ Сѣверное и Средиземное моря, они являются передъ Царьградомъ два раза въ XII вѣкѣ. Съ востока, Руссы, черезъ всю обширную Россію, то плывутъ по ея рѣкамъ, то перетаскиваютъ свои челноки черезъ волоки, занимаютъ по-пути Новгородъ, Смоленскъ, и едва овладѣвъ Кіевомъ (въ половинѣ IX вѣка), въ то-же самое время нападаютъ уже на Византію, и возобновляютъ свои натиски нѣсколько разъ въ теченіе двухъ вѣковъ. Изъ

[66] Въ первый разъ на *сорока легкихъ корабляхъ*, съ 4,000 воиновъ; въ другой на *двухъ-стахъ судахъ*.

этого видно, что стремленія Норманновъ съ сѣверо-запада, и Руссовъ съ сѣверо-востока на югъ происходили въ одну эпоху и самое нападеніе тѣхъ и другихъ на Царьградъ производимо было одними и тѣми-же малыми средствами. Какъ, по этимъ сильнымъ пріемамъ, сомнѣваться еще, что Норманны и Руссы не одинъ и тотъ-же народъ?

(XIV) *Несторъ, изд. Тимк., стр 18.* «Ихъ же емше (Грековъ), овѣхъ распинаху, другия аки странь поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязываху́ть, гвозди желѣзныи посреди главы въбиваху́ть ихъ; много же святыхъ церквий огнемъ предаша, манастырѣ и села пожьгоша», и проч.

Cedren. II, 493—494. Венец. издан. «Etenim captivorum alios in cruces egerunt, alios terrae affixerunt, alios pro scopo constituere, inque eos sagittas direxerunt. Quicumque captivorum sacerdotio praediti erant, eorum capita acutis clavis perforarunt, multa etiam templa incenderunt», etc.

Также о сей войнѣ извѣстіе, видимо, Византійское: «Почаша (Русь) воевати Виѳаньския страны, и воеваху по Понту до Аръклѣя и до Фафлагоньски земли и всю страну Никомидиискую поплѣнивше и судъ весь пожьгоша», и пр. *(Нест., изд. Тимк. стр. 18).*

(XV) «Скѣдія», слово Греческое, и мы не находимъ его ни въ лексиконѣ Берынды, ни въ словаряхъ Алексѣева, Поликарпова и Россійской Академіи. — «Скедія, или Схедія, съ Греческаго Σχεδία, судно, поспѣшно, на-скорую-руку сдѣланное» (см. статью А. Н. Оленина: *Обликъ В. К. Святослава Игоревича, по Льву-Діакону*, помѣщенную въ *Сынѣ Отечества, 1814, Nr. 2, 49-61*). У Датчанъ Skeid, по мнѣнію Дюканжа, соотвѣтствуетъ Французскому «train, radeau».

(XVI) Печенѣги пришли въ Европейскую часть Россіи, въ IX вѣкѣ, и весь X-й сильно господствовали въ нашихъ южныхъ степяхъ. Во время Константина Порфиророднаго и по его словамъ (слѣдовательно въ описываемую эпоху), Печенѣги занимали обширную область, которая начиналась на востокѣ, отъ праваго берега Дона и Саркела, Хазарской крѣпости, и простиралась до впаденія Прута въ Дунай. Съ южной стороны, земли Печенѣговъ доходили до Чернаго-Моря, Херсони, принадлежавшей Грекамъ, и Воспора Пантикапейскаго; съ сѣвера онѣ граничили съ Русью. Эту послѣднюю границу можно провести отъ вершинъ Прута и Днѣстра, мимо Роса (впадающаго въ Днѣпръ, въ 50 верстахъ ниже Витичева), въ-верхъ по Сулѣ и черезъ источники Остра, вдоль по Семи (на югъ отъ Курска, который построенъ въ 1032 г.), и потомъ отъ народа Вятичей до Дона. Печенѣги дѣлились на восемь ордъ или областей, и каждая изъ послѣднихъ еще на сорокъ частей или улусовъ. Четыре орды кочевали по западной, и другія четыре по восточной сторонѣ Днѣпра. Слѣдовательно все теченіе его, отъ Витичева или впаденія Роса до Чернаго-Моря, находилось во владѣніи Печенѣговъ [67].

[67] *Banduri*, Imp. or. T. I, pars II; *Const. porph.* de adm. Imp. c. I-VIII, p. 45-49, Вен. изд.; и *Лерберговы* Разсужденія о Бѣловежи и Днѣпровскихъ порогахъ.

(XVII) Внутренняя жизнь Руси намъ совершенно неизвѣстна. Лѣтописцы записывали только происшествія, случавшіяся въ каждомъ году. Изъ такихъ сухихъ сказаній мы не можемъ узнать ни нравовъ, ни обычаевъ, ни мирныхъ занятій нашихъ предковъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ извѣстія иностранныхъ современниковъ, если доставляютъ намъ какія-нибудь подробности о жизни древней Руси. Сюда относится извѣстное мѣсто, у Константина Багрянороднаго, о плаваніи Руссовъ изъ Кіева до Царьграда, и описаніе всѣхъ трудностей, которыя они должны были преодолѣвать, чтобы воспользоваться выгодами торговли съ Византіею. Это мѣсто покажетъ намъ также путь, по которому Святославъ плылъ со всѣмъ войскомъ изъ Кіева въ Болгарію, и время для сего необходимо нужное. Императоръ Константинъ говоритъ, что «Руссы, желавшіе отправиться для торговли въ Царьградъ, собирались обыкновенно изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода въ Кіевъ[68]. Здѣсь, купивъ новыя суда, или однодеревки, которыя доставлялись въ Кіевъ Кривичами и другими народами, обитавшими на сѣверъ отъ этого города, Руссы спускались въ-низъ по Днѣпру до Витичева[69]. Тутъ оставались они до трехъ дней, пока всѣ суда собирались къ этому мѣсту. Потомъ продолжали путь къ Днѣпровскимъ порогамъ. У перваго порога Руссы выходили изъ судовъ: онъ былъ чрезмѣрно узокъ и весьма опасенъ, по причинѣ стремленія воды, съ которымъ она ударяясь объ камни, низвергалась съ ужаснымъ шумомъ. Въ этомъ мѣстѣ, назначенные люди шли по рѣкѣ въ-бродъ, и ощупывали босыми ногами тѣ части дна рѣчнаго, на которыхъ находилось менѣе камней. Нашедши такой болѣе удобный проходъ, они извѣщали другихъ Руссовъ, которые должны были, по назначенному имъ пути, проводить суда, упираясь длинными шестами спереди, въ срединѣ и сзади, и такимъ-образомъ почти перетаскивали, съ величайшимъ трудомъ, свои лодки черезъ русло этого перваго порога. Потомъ всѣ садились въ однодеревки, и плыли ко второму порогу, который былъ столь-же опасенъ и затруднителенъ для прохода, какъ и первый, опять высаживали людей, и поступали съ судами, какъ прежде. Такимъ-же точно образомъ Руссы переходили и третій порогъ. У четвертаго, часть ихъ вооружалась и находилась на стражѣ; во все время перехода черезъ этотъ порогъ; ибо тутъ Печенѣги обыкновенно нападали на проѣзжавшихъ и грабили ихъ. Другая часть Руссовъ выгружала товары, несла ихъ на себѣ, на разстояніи 6,000 шаговъ, и вела скованныхъ невольниковъ[70]. Остальные Руссы тащили черезъ волокъ свои

[68] «Nemogarda, Milinisca, Teliutza, Tzernigoga et Busegrade.

[69] «Biletzebe», 50 верстъ на югъ отъ Кіева.

[70] Невольники употреблялись, вѣроятно, для гребли на судахъ, какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, и потомъ продавались въ Царьградѣ. Вспомнимъ слова Святослава, сказанныя матери: «Из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь» *(Несш., изд. Тимк. 38)*.

суда, или несли ихъ на плечахъ до того мѣста, гдѣ уже можно было, безъ опасности, спустить ихъ на воду. Тутъ они снова нагружали лодки, садились въ нихъ, и плыли къ пятому порогу, у котораго опять принуждены были проводить суда такъ-точно, какъ при переѣздѣ черезъ первый порогъ. Проѣхавъ это опасное мѣсто, они должны были переѣзжать потомъ черезъ два остальные порога, изъ которыхъ, у шестаго, Руссы принуждены были поступать такъ-же, какъ у пятаго, и наконецъ доплывали до Крарійскаго перевоза [71]. Въ этомъ мѣстѣ обыкновенно переѣзжали Корсуняне, ѣздившіе къ Руссамъ, и Печенѣги отправлявшіеся въ Корсунь [72]. Здѣсь также, Руссы должны были приготовляться къ бою, потому-что и тутъ нападали на нихъ Печенѣги. Потомъ всѣ челноки приставали къ острову Св.-Георгія [73], и оставались нѣкоторое время для приношенія жертвъ, бросанія жеребья, разныхъ гаданій и проч. Прошедъ этотъ островъ, Руссы не опасались уже нападеній Печенѣговъ до самой рѣчки Селины, и въ четыре дня пути достигали до устья Днѣпровскаго, въ которомъ находился островъ Св.-Айѳерія [74]. Тутъ они отдыхали до трехъ дней, чинили свои суда, послѣ такого опаснаго плаванія, оснащали ихъ мачтами, парусами, рулями, и все это привозили съ собою изъ Кіева. А какъ Днѣпръ, въ устьи своемъ образуетъ озеро [75], простирающееся до самаго моря, гдѣ находится островъ Св.-Айѳерія, то они послѣ этого подавались опять назадъ [76] къ Днѣпру, и тутъ опять отдыхали. Отсюда, если имѣли попутный вѣтеръ, то отправлялись уже на парусахъ до рѣки Бѣлой [77]. Здѣсь, пробывъ нѣсколько времени, продолжали свой путь къ рѣкѣ Селинѣ [78], которая есть не что другое, какъ рукавъ Дуная. Въ этомъ мѣстѣ имъ опять предстояла великая опасность отъ Печенѣговъ; ибо, если вѣтеръ прибивалъ одну или нѣсколько изъ лодокъ Русскихъ къ берегу (что часто случалось), то всѣ Руссы

[71] «Ad trajectum Crarii.»

[72] Мѣсто за мысомъ Кичкасомъ, имѣющее ширины 150 шаговъ. *Лербергъ:* О Днѣпровскихъ порогахъ, стр. 317, въ *Изсл. служ. къ объясн. др. Русс. ист.*

[73] Островъ Хортица.

[74] «Insula Sancti Aetherii.»

[75] Днѣпровскій лиманъ; въ него впадаетъ и Бугъ.

[76] «Можетъ-быть для того», говоритъ Штриттеръ, «что Руссы не смѣли пускаться въ своихъ судахъ въ открытое море, но всегда ѣздили по берегамъ». Да, именно по этой причинѣ. Островъ Св. Айѳерія (нынѣшній Березань) находится при самомъ входѣ въ Черное-Море, и слѣдовательно, отправляясь прямо отъ него на югъ, надобно было пускаться въ открытое море; обратившись-же назадъ, можно было объѣхать весь Днѣпровскій лиманъ вдоль берега, и такимъ-образомъ войти въ Черное-Море, не отъѣзжая отъ земли. Но, спросятъ можетъ-быть, для чего-же Руссамъ было доходить до острова, и неудобнѣе-ли-бы прежде взять то-же самое направленіе, которому они слѣдовали не доходя до Св.-Айѳерія? Причина, заставлявшая ихъ доходить до острова, хотя и съ потерею нѣсколькихъ дней, состояла, конечно, въ томъ, чтобъ имѣть безопасное мѣсто для оснастки и починки судовъ, а этого они никакъ не могли достигнуть, если-бъ остановились на берегу Днѣпровскомъ, потому-что тутъ Половцы непремѣнно напали-бы на нихъ.

[77] «Ἄσπρον», одна изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Черное-Море, между Днѣпровскимъ лиманомъ и устьями Дуная, а по мнѣнію Байера, между Днѣпромъ и Селиною. Это вѣроятно нашъ Днѣстръ.

[78] Одинъ изъ рукавовъ Дуная еще и теперь называется «Сулинскимъ Гирломъ».

должны были выходить изъ судовъ, чтобы вступить въ бой съ Печенѣгами, и защитить своихъ товарищей. Избѣгнувъ этой послѣдней опасности, Руссы наконецъ спокойно доплывали до главнаго устья Дуная, и тогда отправлялись вдоль береговъ Болгаріи и Ѳракіи до самаго Царьграда»[79]. Вотъ путь, который долженъ былъ совершить Святославъ со всѣмъ своимъ войскомъ, и тѣ трудности, которыя Руссамъ слѣдовало преодолѣвать при плаваніи отъ Кіева до устьевъ Дунайскихъ! Но и отсюда плаваніе ихъ должно было продолжаться, противъ теченія, до Доростола, или по-крайнеймѣрѣ до окрестностей этого города. Левъ-Діаконъ, хотя не указываетъ именно того мѣста, при которомъ Святославъ вышелъ на берегъ, но говоритъ, что Болгары, ожидавшіе его на Дунаѣ, бывъ разбиты при самомъ выходѣ Руссовъ изъ судовъ, отступили и заперлись въ Доростолѣ; слѣдовательно изъ этого можно заключить, что Святославъ вышелъ на берегъ не въ дальнемъ разстояніи отъ этого города. Для совершенія всего пути Руссовъ и времени нужнаго для всѣхъ остановокъ, при столь опасномъ плаваніи, какъ говоритъ Константинъ, нельзя, кажется, положить менѣе двухъ мѣсяцевъ отъ Кіева до Силистріи, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. А если Печенѣги нападали на проходившее ополченіе Святослава, во всѣхъ мѣстахъ, которыя описываетъ Багрянородный, и вѣтеръ, при входѣ Руссовъ въ Черное-Море, былъ не попутный, то конечно должно и еще прибавить цѣлый мѣсяцъ.

(XVIII) Норманны очень часто отправлялись изъ отечества съ женами и дѣтьми своими. Они оставляли ихъ обыкновенно на укрѣпленныхъ островахъ, при устьяхъ рѣкъ, впадавшихъ въ море; иногда-же брали съ собою и въ завоеванные города. Норманскія женщины находились при осадѣ и грабежѣ Парижа, въ 885-886 годахъ. Когда король Алфредъ взялъ укрѣпленіе, построенное Норманнами, при высадкѣ ихъ на берега Англіи, то въ немъ найдено было много женъ и дѣтей Скандинавскихъ, которыхъ тогда-же отправили въ Лондонъ. Норманны, прибывшіе во Францію съ Рольфомъ (Rollon), привезли также и женъ *(Depping: Hist. des exp. des Norm. I, 205; II, 127)*.

(XIX) Мы видѣли выше (стр. 171), что Олегъ, при требованіи дани, полагалъ по 40 человѣкъ на каждую лодью. Знаемъ, что козацкія суда, выдолбленныя изъ одного дерева, на которыхъ они плавали по Черному-Морю, и нападали также на Турецкую имперію, поднимали, по словамъ Боплана, отъ 50 до 70 человѣкъ. Josaphat Barbaro увѣряетъ, что на Волгѣ росли такія деревья, изъ коихъ можно было выдолбить лодью, могущую поднять 10 лошадей и 20 человѣкъ *(Кругъ: О Рус. мон. 86-92)*. Depping говоритъ, что на судахъ Норманскихъ помѣщалось не болѣе 20, а иногда даже только

---

[79] *A. Banduri*, Imp. orient. T. I, pars II, contin. libr. *Const. porph.* de admin. imp. c. IX, p. 49-51. Вен. изд.

восемь человѣкъ *(Hist. des expéd. des Norm. I, 198; II, 20)*. Les plus petites portaient 12, et les plus grandes barques 40 hommes, etc. *(Essai sur l'hist. de Normandie, I,7)*. Remi de Fescamp donna au duc de Normandie, pour son expédition d'Angleterre, un vaissau et 20 hommes» *(Thierry: Hist. de la conquête de l'Angleterre, I, 285)*.

(xx) Тогдашній царь Болгарскій назывался Петръ; онъ былъ сынъ Симеона, и вступилъ на престолъ, послѣ смерти отца, въ 927 году. Петръ женатъ былъ на внукѣ императора Романа, но подобныя родственныя связи, и въ X вѣкѣ, столь-же мало значили въ политическихъ отношеніяхъ, какъ и въ наше время. Левъ-Діаконъ описываетъ смерть Петра, послѣ разбитія Болгаръ Святославомъ, на берегу Дуная; слѣдовательно прежде возвращенія великаго князя въ Кіевъ, то-есть въ 967 году. Но Кедринъ говоритъ, что Петръ скончался до восшествія на престолъ императора Никифора. Сказавъ о смерти императора Романа, 15 марта, и описавъ торжественное вшествіе въ Царьградъ Никифора Фоки, бывшаго еще полководцемъ, въ Апрѣлѣ 6-го индиктіона, Кедринъ расказываетъ смерть Болгарскаго царя, и немедленно послѣ этого, приступаетъ къ описанію провозглашенія Никифора императоромъ, восточными войсками, возбужденными къ этому поступку Іоанномъ Цимисхіемъ [80]. Это послѣднее происшествіе случилось 2 Іюля [81]; слѣдовательно Петръ умеръ, по свидѣтельству Кедрина, между Апрѣлемъ и 2-мъ числомъ Іюля, 963 года. Одно изъ двухъ: или Кедринъ ошибается въ годѣ смерти Петра, или наслѣдникъ сего царя также назывался Петромъ, и владѣлъ Болгаріею съ 963 по 967 г.

(xxi) При трофеѣ, состоявшемъ изъ простаго гвоздя, который былъ вынутъ изъ Парижскихъ «воротъ», вспомнимъ также Болгарскаго царя Крума, требующаго у Грековъ дозволенія водрузить свое копье въ Византійскія златыя *врата*, и нашего Олега, прибившаго свой щитъ къ Царьградскимъ *воротамъ*.

(xxii) Арабскія монеты, находимыя въ такомъ множествѣ въ Россіи, могутъ, частію, происходить отъ этого грабежа береговъ Мавританіи (*Френа* Ibn-Foßlan, 249—250).

(xxiii) О Печенѣгахъ подъ Адріанополемъ, въ числѣ Святославова войска, нѣтъ и помину у Льва-Діакона. Кедринъ [82] и Зонара [83] прибавили ихъ, вѣроятно, для увеличенія количества непріятелей, и для составленія полнаго числа 308,000, которое назначили у Руссовъ въ этомъ сраженіи.

---

[80] *Cedren.* II, 505-506. [81] *Krug:* Byzant. Chronol. 318. [82] *Cedren.* II, 522. [83] *Zonar.* II, 165.

2007050481